

УДК 947(470.57) «1840/1917»
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-115-124

Опека и попечительство у башкир в 1840-х годах – начале XX века

Ш. Н. Исянгулов

*Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
Уфа, Россия*

Аннотация

Рассматривается развитие института опеки и попечительства над детьми-сиротами у башкир в 1840–1910-е гг. В статье подвергнута тщательному анализу законодательная база введения опеки и попечительства: указ 1843 г., циркуляр генерал-губернатора 1858 г., статьи «Положения о башкирах» 1863 г. с изменениями 1865 г. В целом отмечается большая роль военных властей (юртовых старшин, начальников и попечителей кантонов) в кантонный период управления (до 1865 г.) в вопросе назначения опекунов и попечителей, в контроле над их деятельностью. Констатируется, что в деле опеки и попечительства у башкир в пореформенный период распространяется общероссийское законодательство. Материалы исследования показывают, что изначально в развитии опеки и попечительства у башкир доминировали общероссийские законы с учетом лишь некоторых правил шариата и обычного права.

Ключевые слова

опека, попечительство, законодательство, шариат, обычное право, кантонная система управления, пореформенный период

Для цитирования

Исянгулов Ш. Н. Опека и попечительство у башкир в 1840-х годах – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 1: История. С. 115–124. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-115-124

Wardship and Guardianship of Bashkirs in the 1840s – Early 20th Century

Sh. N. Isyangulov

*Ufa Federal Research Center RAS
Ufa, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the development of the institution of wardship and guardianship over children-orphans of Bashkirs in the 1840s – the beginning of 20th century. The aim of the study is to show the legal basis and the process of establishing guardianship of a minor orphan in Bashkir-Meshcheryak army, their implementation in the canton and post-reform periods. The article thoroughly analyzed the legislative framework for the introduction of wardship and guardianship: the decree of 1843, a circular of the Governor-General dates 1858, the articles about Bashkirs of 1863 with changes in 1865, a number of articles of the 1858 circular since it was contrary to the Sharia law. It is noteworthy that these documents do not specify the role of a Muslim judge in the appointment of a guardian, since the procedure usually was a part of the duties of the Yurt foreman. Using various examples, the study shows guardians and trustees were under the strict control of the authorities. The audits of guardianship reports provides statistical data demonstrating the growth of the number of Bashkirs under wardship during the cantonal period of management. Based on the archival cases on the sale of property of orphans by guardians the article considers the development of wardship and guardianship. The archival findings demonstrate that in the case of wardship and guardianship of Bashkirs in the post-reform period, the all-Russian legislation had been applying primarily. The analysis of the above-

© Ш. Н. Исянгулов, 2021

mentioned sources leads to the following conclusion: initially the development of wardship and guardianship among Bashkirs was dominated by all-Russian laws, taking into account only some rules of the Sharia and customary law.

Keywords

wardship, guardianship, legislation, Sharia, customary law, cantonal system of government, post-reform period

For citation

Isyangulov Sh. N. Wardship and Guardianship of Bashkirs in the 1840s – Early 20th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 1: History, p. 115–124. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-1-115-124

В современный период в условиях обострения демографической ситуации, значительного роста сирот в стране происходит поиск оптимальных путей решения проблемы беспризорности, безнадзорности, достойного воспитания детей. Распространенными видами устройства детей, оставшихся без попечения родителей, ныне в Российской Федерации являются опека и попечительство. В связи с этим представляется актуальным изучение исторического опыта развития этих институтов у различных народов России, в том числе у башкир, в прошлом.

Историография темы немногочисленна. В дореволюционный период развитие опеки на Руси и в России с древнейших времен до XIX в. кратко рассмотрел историк М. Ф. Владимирский-Буданов [2005. С. 542–544]. В современной отечественной историографии наиболее полное описание основ российского законодательства XVIII – начала XX в. в области опеки и попечительства содержится в работах Ю. М. Гончарова [2002. С. 70–73; 2019. С. 103–112], Н. С. Нижник [2006. С. 156–159]. Данный социальный институт изучался на материале русской деревни дореформенного периода, а также ряда других народов России [Миненко, 1979. С. 294–299; Александров, 1984. С. 218–222; Батыров, Команджаев, 2014; Ефремов, Петренко, 2015].

В историко-этнографической литературе почти не встречаются описания случаев опеки у башкир, за исключением рассказа П. И. Добротворского [1989. С. 36–47]. Не затрагивалась данная проблема и в советский период. В современной научной литературе имеются лишь отдельные упоминания об опеке в башкирском обществе. В частности, профессор А. З. Асфандияров писал, что опекунов над сиротами в 1860-е гг. учреждалось по нормам шариата. Опека юношей продолжалась до 18-летнего возраста, а девушек – до выхода замуж. Он отмечал, что в 1861 г. в Верхнеуральском уезде было 39 опеков, в Осинском – 24, Троицком – 26 [Асфандияров, 1997. С. 77–78; 2006. С. 350].

В работе А. Х. Биккузиной опека в башкирском обществе во второй половине XIX в. рассматривается с точки зрения роли в ней общины. По ее мнению, «опека над осиротевшими детьми, слабыми хозяйствами носила традиционный характер, и нормы обычного права здесь выступали с особой наглядностью» [2011. С. 50]. В случае смерти домохозяина собирався сельский сход, который назначал опекуном мать осиротевших детей или ближайших родственников по отцовской линии. Либо назначались и мать, и родственник, один – опекуном, другой – попечителем. Другие случаи назначения опекунов исследователь не рассматривает. Также, по А. Х. Биккузиной, в последней четверти XIX в. в некоторых зажиточных башкирских общинах под воздействием государственного законодательства вошло в обычное продавать имущество сирот, а вырученные деньги отдавать в сберегательную кассу под проценты. Автор считает, что к началу XX в. «прослеживается постепенная утрата контроля башкирской общины над судьбой сирот» [Там же. С. 50, 120–122]. В монографии А. Я. Ильясовой [2015] кратко рассматриваются лишь некоторые вопросы дворянской опеки. Таким образом, в данном вопросе одни авторы говорили о верховенстве шариата, другие – о верховенстве норм обычного права. Краткий обзор литературы показывает, что тема остается недостаточно изученной. Правовые основы институтов опеки и попечительства, использование норм шариата и обычного права у башкир на практике также изучены слабо.

Целью данного исследования является изучение практики установления опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми-сиротами в Башкиро-мещеряжском войске, ре-

лизации этого института в 1840–1860-е гг. и далее, в пореформенный период, что делается впервые в отечественной историографии.

В работе использованы неопубликованные источники, хранящиеся в Национальном архиве Республики Башкортостан в фондах Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора (ф. И-2), Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия (ф. И-10), Оренбургского магометанского духовного собрания (ф. И-295). Также привлечены копии отчетов командующего Башкиро-мещерякским войском за 1840–1850-е гг., выявленные в фонде Института истории, языка и литературы (ф. 3) в Научном архиве УФИЦ РАН. Там же имеется опекунский отчет ученого-просветителя М. Уметбаева, отложившийся в его личном фонде (ф. 22).

Необходимо отметить, что в кантонный период управления в Башкирии сведения об опеке в Башкиро-мещерякском войске (с 1855 г. – Башкирском войске) включались в ежегодные отчеты командующего. Несмотря на то что эти сведения об опеке очень кратки (одно-два предложения), они являются весьма ценными, так как здесь приводятся обобщающие цифры за тот или иной год. Рассмотрение же опеки у башкирского населения в пореформенный период осложняется тем, что в отчетах губернатора данный вопрос уже не освещался. В силу этого после 1865 г. мы можем судить об опеке лишь по отдельным, конкретным делам. В частности, в фонде Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия отложилось несколько единиц хранения о продаже имущества сирот. О масштабах распространения опеки в это время статистических сведений не имеется.

В 1798 г. в Башкирии для башкир и мишарей (мещеряков) была введена кантонная система управления, суть которой состояла в том, что основной обязанностью указанных групп населения стала военная служба за свой счет. Башкиры и мишари охраняли юго-восточную границу империи вдоль так называемой Оренбургской пограничной линии. Башкирское и мишарское население было поделено на кантоны, а те, в свою очередь, – на юрты. Во главе кантонов и юрт стояли представители знатных башкирских и мишарских фамилий. Для усиления контроля над местным населением в 1834 г. был введен институт попечителей кантонов, в ведении которых находилось несколько кантонов. Попечителями назначались русские армейские штаб-офицеры. С окончательным включением в состав России Казахстана и среднеазиатских земель значение военной службы башкир и мишарей уменьшилось. Вместо военной службы башкир начали привлекать на различные строительные работы, переводили на денежную оплату повинностей. Окончательно кантонная система в Башкирии была ликвидирована в 1865 г., а население переведено в гражданское состояние. Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. вплоть до 1865 г. башкиры оставались военным сословием. Общественная и семейная жизнь башкир и мишарей в этот период находились под жестким административным контролем [Асфандияров, 2005. С. 16–49, 175–205].

Согласно российскому законодательству, поводом для установления опеки являлась полная или частичная правовая и хозяйственная недееспособность опекаемого. Опекa обычно назначалась над несовершеннолетними, безумными, сумасшедшими, глухими и немыми. Окончательное установление опеки в Российской империи произошло при Екатерине II. Опекa носила ярко выраженный сословный характер. Законодательство также различало опеку и попечительство. Российский историк М. Ф. Владимирский-Буданов определял опеку как «установление искусственной власти над семьей, если в ней остаются малолетние члены» [2005. С. 542].

Вплоть до 1843 г. официальной опеки у башкир и мишарей (мещеряков) не существовало. Имущество умерших, у которых оставались малолетние дети, обычно передавалось родственникам или посторонним лицам, последние нередко растрчивали его и ни перед кем не отчитывались. Учитывая эти обстоятельства, Оренбургский военный губернатор В. А. Обручев подал на имя Военного и Государственного советов предложение о создании опеки в Башкиро-мещерякском войске. Мнение Государственного совета было утверждено императором 29 марта 1843 г. Губернатор предложил следующие меры: 1) отдавать имущество

умершего в опеку по описи одному из родственников или постороннему лицу по назначению юртового старшины и по предварительному разрешению кантонного начальника; 2) опекун обязан не только сохранить, но и приумножить имущество; 3) на доходы с имущества опекун обязан содержать малолетних сирот с разрешения кантонного начальника; 4) кантонный начальник производит надзор за опекуном и ежегодно представляет отчет Командующему Башкиро-мещерякским войском по управлению опекунскими имениями в кантоне (ПСЗ-II, 1844. Т. 18. С. 180). Таким образом, с момента введения опеки у башкир и мишарей она контролировалась военным начальством. Опекуны назначались юртовым старшиной, а не общиной.

Закон, однако, вплоть до конца 1850-х гг. «работал» без подзаконных актов, уточняющих его действие. В 1857 г. командующим Башкирским войском генерал-лейтенантом Н. В. Балкашином был разработан проект циркуляра попечителям кантонов и кантонным начальникам об опеке, включающий в себя общие правила о его учреждении, управлении ими, отчетности, порядке надзора и т. д. В начале 1858 г. циркуляр был утвержден Оренбургским и Самарским генерал-губернатором А. А. Катениным в виде временной меры, до составления Положения о башкирском войске. Отдельные части циркуляра в дальнейшем должны были войти в состав этого Положения¹. В циркуляре получили освещение следующие вопросы.

Решение о назначении опекунов принимали юртовые старшины и кантонные начальники, община же играла лишь вспомогательную роль. Опекуны назначались: а) в случае малолетства круглых сирот; б) в случае смерти одного из родителей, если малолетние наследовали имущество отца или матери (в случае смерти одного из родителей малолетние дети, у которых нет никакой собственности, находились на содержании оставшихся в живых отца или матери); в) при жизни обоих родителей, если малолетние становились полными собственниками имущества. В последнем случае опекуном становился отец малолетнего.

Опекунами круглых сирот могли быть родственники или посторонние лица. При отсутствии имущества у опекаемых посторонние лица могли исполнять свои обязанности безвозмездно, пользуясь «посильною работою сирот до совершеннолетия», или возмездно. В этом случае опекун назначался на мирском сходе «по распоряжению юртового старшины», где также ему определялось пособие, «состоящее в хлебе или деньгах»². Родители в духовном завещании могли назначить опекунами своих детей любое лицо. Вместе с матерью опекунами назначались старшие из родственников или посторонние лица. При назначении опекунов после смерти родителей производилась опись и оценка имущества. Опись производил юртовой старшина, а в случае, если имущество превышало более 1 000 руб., – кантонный начальник в присутствии опекуна, «трех почетных стариков из местных домохозяев», совершеннолетних сонаследников³.

В случае необходимости раздела имущества между наследниками, он производился по шариату после разрешения вышестоящего начальства при участии и согласии опекунов. После раздела имущество малолетнего передавалось опекуну. Если по каким-либо причинам раздел имущества не производился, то оно передавалось опекуну в полном объеме, однако в этом случае опекун должен был действовать с согласия других совершеннолетних наследников⁴. Раздел имущества мог не производиться в пользу сирот в случае, если умерший оставил духовное завещание в пользу другого лица. Тогда дальнейшая судьба малолетних сирот была незавидной. Именно так произошло в 1864 г. после смерти башкира д. Арасланово Белебеевского уезда Уфимской губернии А. Абдуллатифова, оставившего по духовному завещанию все имущество своей жене. Малолетние сыновья умершего остались без наследства⁵.

¹ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 9562. Л. 1а – 1а об.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 6–7.

⁴ Там же. Л. 2 – 8 об.

⁵ Там же. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 5065. Без пагинации.

Опекун «постоянно должен пеcись о здоровье малолетнего, стараться о его воспитании, вкоренять в его сердце страх Божий, беспредельную преданность к Государю и повинование установленным властям, научить его правилам благонравия и доброму хозяйству»⁶. Также он должен был «оберегать» имущество малолетнего, «приумножать» доходы с его имущества, уплачивать войсковые денежные сборы и долги. Недвижимое имущество сирот могло отдаваться в аренду на срок до трех лет. Оно также (для оплаты долгов или по другим причинам) могло продаваться с разрешения кантонного начальника. Ежегодно опекун должен был предоставлять кантонному начальнику отчет о доходах и расходах по управлению имением малолетнего. По достижении 17 лет сиротой (девушками – после выхода замуж) опекун вводил его в управление имуществом и предоставлял отчет за все время опеки. С этого возраста (девушки – после выхода замуж) сироты «поручались» надзору и наблюдению попечителей. Если опекаемая выходила замуж до своего совершеннолетия, то опекун передавал свои обязанности ее мужу, становившемуся опекуном жены до ее совершеннолетия. Право полного распоряжения имуществом опекаемый получал по достижении 22 лет, согласно российскому законодательству. Юртовые старшины, кантонные начальники, попечители кантонов должны были тщательно следить за «имениями» малолетних, наблюдать за действиями опекунов, проводить ревизии, предоставлять ежегодные отчеты вышестоящему начальству по делам опеки. У кантонных начальников и попечителей кантонов должны были иметься именные списки сирот «с показанием их возраста, имущества, какое им принадлежит, благотворителей, коим они отданы на воспитание, и опекунов, попечению которых они вверены», а также другие необходимые, в том числе финансовые, документы⁷.

Сравнение циркуляра с общероссийским законодательством показывает, что, несомненно, за основу бралось последнее. В то же время составитель циркуляра учел местные традиции и обычаи башкир. Была обозначена, хоть и небольшая, роль общины. Однако в этом документе достаточно выпукло показана гипертрофированная роль военного начальства, проявлявшаяся практически во всех сферах жизни башкирского населения. Так же как и по всей Российской империи, опека у башкир, таким образом, носила сословный характер.

Как видно, отдельные статьи циркуляра противоречили шариату. В частности, по шариату большая роль отводилась казью (судье): назначение опекунов, надзор и контроль над опекуном (опекунами). Между тем по циркуляру эти функции принадлежат военному начальству: юртовым старшинам, кантонным начальникам, попечителям кантонов. Община же выносила свое решение лишь при необходимости назначения пособия опекуну. Также необходимо отметить, что по мусульманскому законодательству опекаемый, даже вступив в брак или достигнув совершеннолетия, мог до 25 лет не получить свое имущество (Шариатные статьи..., 1910. С. 21–29).

Контроль над опекунами в период кантонного управления (до 1865 г.) был достаточно строгим. Например, после смерти имама д. Тураево 21-го кантона Габдулгалляма Чирукаева в 1857 г. остались малолетние дети 12-ти, 3-х и 1-го года. В результате была учреждена опека, описано имущество, которое составило 111,5 руб. Брат покойного Абдулменян Чирукаев, проживающий в д. Кындыктамаково, продал дом и движимое имущество сирот без разрешения кантонного начальника. В результате последний вынужден был объяснить свои действия: имущество было им продано «по незнанию существующих на сей предмет постановлений по Башкирскому войску, а более потому, что до возраста малолетних дом по ветхости его и прочее имущество могли прийти в упадок, так что малолетние неминуемо должны были лишиться оногo без всякой для себя пользы, а он на вырученные чрез продажу имения деньги, как торговый человек, будет давать проценты по 4 коп[ейки] на рубль и между тем сирот, как ближайший родственник взял к себе и обязался до возраста содержать их и воспи-

⁶ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 9562. Л. 8 об. – 9.

⁷ Там же. Л. 9–16.

тывать как своих детей»⁸. Такое объяснение устроило начальство, которое также обязало брата покойного уплачивать денежные повинности сирот, с чем он согласился⁹.

После смерти начальника 25-го башкирского кантона есаула И. И. Уметбаева в 1861 г. опекуном над имуществом его малолетних детей (сына Сулеймана 13-ти, дочерей Ханифы 15-ти, Фатимы 10-ти, Софии 8-ми и Зейнаб 5-ти лет) стал один из старших сыновей умершего урядник Мухаметсалим Уметбаев (1841–1907), в будущем известный поэт, ученый-просветитель. Сохранился его опекунский отчет за 1862 г. В целом этот документ воспроизводит описание имущества, доставшегося сиротам от умершего отца с указанием доходов и расходов по их содержанию за год. В частности, из отчета видно, что за год пали один мерин, сивый жеребец и кобыла, всего три лошади на общую сумму 49 руб.¹⁰

Если на начало 1847 г. в Башкиро-мещеряжском войске было 412 опеки, то к 1855 г. их число достигло 1 136. В течение 1846 г. было учреждено 82 опеки над имениями малолетних сирот, в 1854 г. – 105, упразднено (после достижения совершеннолетия) в 1846 г. – 7, в 1854 г. – 46 опеки¹¹.

В июле 1858 г. попечитель 7-го попечительства докладывал командующему Башкирским войском, что «до сих пор не было ни жалобы, ни случаев, чтобы где-нибудь малолетние оставались без призрения»¹². В 15-м кантоне за 1861 г. была учреждена 81 опека, к началу 1862 г. всего в кантоне насчитывалась 301 опека. В течение года проведена ревизия 241 опекунского отчета. Согласно отчету начальника кантона, «злоупотреблений и беспорядков по управлению опекунскими имениями» за 1861 г. не обнаружено¹³. Однако «злоупотребления», несомненно, случались. Если к началу 1862 г. по Башкирскому войску было 2 402 опеки, то через год – 2 632. В течение 1862 г. проведена ревизия 2 418 опекунских отчетов. В результате в двух кантонах по 26 «имениям» (1,1 % от числа подвергнутых ревизии) были обнаружены «злоупотребления» и дела переданы в следственные органы¹⁴.

14 мая 1863 г. было утверждено «Положение о башкирах» (в 1865 г. дополнено Оренбургским генерал-губернатором на основании Высочайше утвержденного 2 июля мнения Государственного совета). Этот документ определил, что по семейным делам на башкир распространяются общие постановления гражданских законов империи. В то же время отмечалось следующее: «Попечение о личности и об имуществе малолетних сирот возлагается на обязанность сельских обществ. В назначении опекунов и попечителей, в проверке их действий и во всех сего рода делах, башкиры руководствуются местными своими обычаями» (ПСЗ-II, 1866. Т. 38. С. 443; 1867. Т. 40. С. 756). Если родственники сирот не соглашались с мнением сельского схода, то могли обращаться с жалобой к кантонному начальнику (с 1865 г. – мировому посреднику, позже земскому начальнику). Сельский сход назначал опекунов и попечителей, следил за их действиями. Отныне на башкирские сельские общества возлагалось «призрение круглых сирот» (ПСЗ-II, 1866. Т. 38. С. 443, 447, 463; 1867. Т. 40. С. 756, 759, 774). Исполнителем воли сельского схода выступал сельский староста (в работе схода мог участвовать и волостной старшина). В чем состояла суть «местных» обычаев при назначении опекунов, не совсем понятно.

Скорее всего, введение сельской общиной опеки над хозяйством умершего домохозяина не всегда происходило мирно. Иногда оно встречало противодействие со стороны вдовы умершего или других родственников. Русский писатель-демократ П. И. Добротворский (1839–1908), служивший в 1860–1880-е гг. мировым посредником и мировым судьей в Уфимской губернии, в рассказе «Иняй» («Мать») создал колоритный образ башкирки Фа-

⁸ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 9711. Л. 1а об.

⁹ Там же. Л. 1а – 3.

¹⁰ НА УФИЦ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 4. Л. 61–74.

¹¹ Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 117. Л. 296, 300.

¹² НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 9711. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 12032. Л. 4.

¹⁴ Там же. Д. 12025. Л. 205 – 205 об.

тимы, в молодом возрасте оставшейся вдовой. Когда старики после смерти ее мужа назначили опекуном постороннего человека, она не пустила волостного старшину, сельского старосту и других во двор, даже гоняла их с «рычагом» по деревне. Фатима не позволила ввести опеку над имением умершего мужа. И старшина, и остальные были вынуждены удалиться ни с чем. Сам волостной старшина, рассказавший эту историю автору, вполне оправдывал отчаянный поступок женщины: она боялась, что опекун будет обижать ее малолетних детей [Добротворский, 1989. С. 36–47].

Как видно из «Положения о башкирах», с 1863 г. в делах опеки на башкир распространялось общероссийское законодательство. Отметим, что по закону опекунами не могли быть лица, расточившие «собственное и родительское имущество»; «имеющие явные и гласные пороки», или же «лишенные по суду всех прав состояния»; известные «суровыми своими поступками»; имевшие «ссору с родителями малолетнего»; несостоятельные (СЗРИ, 1857. Т. 10. Ч. 1. С. 47–48).

Чаще всего опекунами становились родственники. Так, после смерти башкира д. Нижне-Иванеево Бирского уезда Уфимской губернии Мухаметвалея Байбердина в 1900 г. опекуном его дочери Минлиямал, 1899 года рождения, был назначен Баймулла Байбердин, очевидно, брат умершего¹⁵. Опекунами назначались и посторонние лица – односельчане (однообщественники). Например, после смерти башкира д. Карманово Бирского уезда Уфимской губернии Мухаметлатыфа Исакова опекуном его дочери Бибисафии в 1896 г. была назначена не вдова умершего, а посторонний человек – Н. Исмагилов¹⁶.

Опекуны с разрешения сельского общества и утверждения мировых посредников (позже – земских начальников) нередко продавали имущество сирот, а вырученные деньги вносили в сберегательную кассу. Губернское присутствие утверждало решение о продаже имущества сирот обычно со следующими условиями: 1) продажа имущества должна быть произведена с торгов; 2) усадьба место сохранялось за сиротами и приносило бы возможный доход; 3) вырученные от продажи деньги вносились в сберегательную кассу; 4) после продажи имущества и внесения суммы в сберегательную кассу предоставлялся отчет об этом в губернское присутствие¹⁷ [Биккузина, 2011. С. 121].

Так, в 1911 г. земский начальник согласился на продажу дома умершего Н. Абдулмукминова, башкира д. Ново-Байсарово Мензелинского уезда Уфимской губернии, «ввиду того, что изба пришла в ветхость»¹⁸. Имущество упомянутого М. Исакова в 1903 г. было продано полностью, однако опекаемый сохранил усадьбу место¹⁹. Как видим, иногда продавалось не все имущество, а лишь его часть, без построек (дома). В частности, после смерти башкира д. Верхнее Кансуярово Бирского уезда Уфимской губернии Ш. Сиразитдинова в 1914 г. была учреждена опека над его малолетними сыновьями 13-ти и 9-ти лет. Общество на сельском сходе в июле 1914 г. назначило опекуном детей Ш. Зиннурова и согласилось на продажу имущества умершего, за исключением дома, хлеба и наделной земли. Имущество было продано с торгов в сентябре того же года, а вырученные деньги внесены в сберегательную кассу²⁰.

В более позднее время – после 1865 г. – обобщающие статистические сведения отсутствуют, поэтому трудно судить о масштабах опеки и попечительства у башкир в пореформенный период.

Таким образом, опека у башкир была введена в 1843 г. В кантонный период управления (до 1865 г.) опека и попечительство детей-сирот находилось под жестким контролем военных властей: командующего Башкиро-мещерякским войском, попечителей и начальников

¹⁵ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2107. Л. 2 – 2 об.

¹⁶ Там же. Д. 2106. Л. 2 – 2 об.

¹⁷ Там же; Д. 2107. Л. 2 – 2 об.; Д. 2149. Л. 2 – 2 об.; Оп. 2. Д. 32. Л. 2 – 2 об.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 32. Л. 2 – 2 об.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 2106. Л. 2 – 2 об.

²⁰ Там же. Д. 2149. Л. 2 – 3 об.

кантонов, юртовых старшин. Приоритет в назначении опекунов и попечителей над имуществом детей-сирот также принадлежал юртовому старшине, а не общине (миру) или мусульманскому судье, как того требовал шариат. Опека и попечительство в этот период регулировались указом 1843 г. и циркуляром генерал-губернатора 1858 г. Лишь после отмены кантонной системы управления и перевода башкир в гражданское состояние на них было окончательно распространено общероссийское законодательство об опеке. Впрочем, и в кантонный период управления правовые основы опеки и попечительства у башкир были выработаны в целом на базе общероссийского законодательства с учетом некоторых норм шариата и обычного права. При этом если нормы шариата применялись при разделе имущества умершего, то об обычаях источники умалчивают.

Таким образом, установлено появление опеки и попечительства у башкир в 1843 г., описаны наиболее характерные черты этих институтов в кантонный период управления, прослежено их дальнейшее развитие в 1865–1917 гг. Выявлена ведущая роль общероссийского законодательства и второстепенная – шариата в вопросах опеки и попечительства у башкир. Проблема опеки и попечительства, несомненно, требует дальнейшего изучения как в общероссийском масштабе, так и у отдельных сословий и народностей.

Список литературы

- Александров В. А.** Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М.: Наука, 1984. 256 с.
- Асфандияров А. З.** Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 1997. 104 с.
- Асфандияров А. З.** Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. 256 с.
- Асфандияров А. З.** Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
- Батыров В. В., Команджаев Е. А.** Усыновление и опека в калмыцком обществе в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 84–88.
- Биккузина А. Х.** Башкирская община на Южном Урале в пореформенный период (1865–1900). Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 176 с.
- Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
- Гончаров Ю. М.** Брачно-семейное право Российской империи XIX – начала XX в. Барнаул: АЗБУКА, 2019. 148 с.
- Гончаров Ю. М.** Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 384 с.
- Добротворский П. И.** В глуши Башкирии. Рассказы. Воспоминания. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1989. 256 с.
- Ефремов А. В., Петренко Н. И.** Опека и попечительство в крестьянской сельской общине этноса мари XIX в. // Вестник Рос. ун-та кооперации. 2015. № 3 (21). С. 101–104.
- Ильясова А. Я.** История башкирского дворянства. Уфа: Китап, 2015. 232 с.
- Миненко Н. А.** Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979. 351 с.
- Нижник Н. С.** Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 272 с.

Список источников

- ПСЗ-П – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1844. Т. 18. 842 с.; 1866. Т. 38. 940 с.; 1867. Т. 40. 991 с.

- СЗРИ – Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Законы гражданские. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. Т. 10. Ч. 1. 491 с.
- Шариатные статьи с переводом на русский язык о правовых отношениях мусульманского населения Туркестанского края. Ташкент: Типо-литография В. М. Ильина, 1910. 80 с.

References

- Aleksandrov V. A.** Obychnoe pravo krepostnoi derevni Rossii. XVIII – nachalo XIX v. [Customary Law of the Serf Village of Russia. 18th – Early 19th Century]. Moscow, Nauka, 1984, 256 p. (in Russ.)
- Asfandiyarov A. Z.** Bashkirskaya sem'ya v proshlom (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Bashkir Family in the Past (18th – 1st Half of the 19th Centuries)]. Ufa, Kitap, 1997, 104 p. (in Russ.)
- Asfandiyarov A. Z.** Kantonnoe upravlenie v Bashkirii (1798–1865 gg.) [Cantone Management in Bashkiria (1798–1865)]. Ufa, Kitap, 2005, 256 p. (in Russ.)
- Asfandiyarov A. Z.** Bashkiriya posle vkhozhdeniya v sostav Rossii (vtoraya polovina XVI – pervaya polovina XIX v.) [Bashkiria after Joining Russia (2nd Half of the 16th – 1st Half of the 19th Century)]. Ufa, Kitap, 2006, 504 p. (in Russ.)
- Batyrov V. V., Komandzhaev E. A.** Usynovlenie i opeka v kalmytskom obshchestve v XIX v. [Adoption and Guardianship in the Kalmyk Society in the 19th Century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)]*, 2014, no. 4, p. 84–88. (in Russ.)
- Bikkuzina A. H.** Bashkirskaya obshchina na Yuzhnom Urale v poreformennyi period (1865–1900) [Bashkir Community in the Southern Urals in the Post-reform Period (1865–1900)]. Ufa, BashSU Press, 2011, 176 p. (in Russ.)
- Dobrotvorsky P. I.** V glushi Bashkirii. Rassказы. Vospominaniya [In the Wilderness of Bashkiria. Tales. Memories]. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 256 p. (in Russ.)
- Efremov A. V., Petrenko N. I.** Opeka i popechitel'stvo v krest'yanskoi sel'skoi obshchine etnosa mari XIX v. [Guardianship and Tutelage in the Rural Community of the Mari Peasants in the 19th Century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii [Vestnik of the Russian University of Cooperation]*, 2015, no. 3 (21), p. 101–104. (in Russ.)
- Goncharov Yu. M.** Brachno-semeinoe pravo Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX v. [Marriage and Family Law of the Russian Empire of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul, AZBUKA, 2019, 148 p. (in Russ.)
- Goncharov Yu. M.** Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Urban Family of Siberia of the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul, AltSU Press, 2002, 384 p. (in Russ.)
- Ilyasova A. Ya.** Istoriya bashkirskogo dvoryanstva [History of the Bashkir Nobility]. Ufa, Kitap, 2015, 232 p. (in Russ.)
- Minenko N. A.** Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoi Sibiri (XVIII – pervoi poloviny XIX v.) [Russian Peasant Family in Western Siberia (18th – 1st Half of the 19th Century)]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 351 p. (in Russ.)
- Nizhnik N. S.** Pravovoe regulirovanie semeino-brachnykh otnoshenii v russkoi istorii [Family and Marriage Law in Russian History]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2006, 272 p. (in Russ.)
- Vladimirsky-Budanov M. F.** Obzor istorii russkogo prava [Review of the History of Russian Law]. Moscow, Territoriya budushchego, 2005, 800 p. (in Russ.)

List of Sources

- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego

- Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1844, vol. 18, 842 p.; 1866, vol. 38, 940 p.; 1867, vol. 40, 991 p. (in Russ.)
- Shariatnye stat'i s perevodom na russkii yazyk o pravovykh otnosheniyakh musul'manskogo naseleniya Turkestanskogo kraya [Sharia Articles with Translation into Russian about the Legal Relations of the Muslim Population of the Turkestan Region]. Tashkent, Tipo-litografiya V. M. Ilyina, 1910, 80 p. (in Russ.)
- Svod zakonov Rossiiskoi imperii, izdaniya 1857 goda. Zakony grazhdanskie [The Digest of Laws of the Russian Empire, Editions of 1857. The Civil Laws]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1857, vol. 10, pt. 1, 491 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
06.07.2020*

Сведения об авторе

Исянгулов Шамиль Наилевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)
Isangul-schamil@mail.ru
ORCID 0000-0001-5691-5566

Information about the Author

Shamil N. Isyangulov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russian Federation)
Isangul-schamil@mail.ru
ORCID 0000-0001-5691-5566